

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

—
Факультет журналистики

РУССКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ
И РЕЦЕНЗИЯ В XX ВЕКЕ

Концепции и поэтика

Сборник статей и материалов

Редактор-составитель В. В. Перхин

Санкт-Петербург
2002

ББК 83.3(2Рос = Рус)

Р89

Авторы: *Вахитова Тамара Михайловна* — канд. филол. наук (Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) РАН), *Гилднер Анна Барбара* — доктор (Ягеллонский ун-т, Краков, Польша), *Желтова Наталья Юрьевна* — канд. филол. наук (Тамбовский гос. ун-т), *Иванова Лариса Николаевна* — научный сотрудник (Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) РАН), *Иванова Татьяна Григорьевна* — докт. филол. наук (Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) РАН), *Коньков Владимир Иванович* — докт. филол. наук (С.-Петербург. гос. ун-т), *Кормилов Сергей Иванович* — докт. филол. наук (МГУ им. М. В. Ломоносова), *Митрофанова Арина Анатольевна* — канд. филол. наук (С.-Петербург. гос. ун-т), *Михайлов Александр Иванович* — докт. филол. наук (Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) РАН), *Михайлова Мария Викторовна* — докт. филол. наук (МГУ им. М. В. Ломоносова), *Орлова Екатерина Иосифовна* — канд. филол. наук (МГУ им. М. В. Ломоносова), *Перхин Владимир Васильевич* — докт. филол. наук (С.-Петербург. гос. ун-т), *Пьяных Михаил Федорович* — канд. филол. наук (С.-Петербург. гос. ун-т), *Сорокина Наталья Владимировна* — канд. филол. наук (Тамбовский гос. ун-т), *Фетисенко Ольга Леонидовна* — канд. филол. наук (Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) РАН), *Черкасова Анна Владимировна* — аспирантка (МГУ им. М. В. Ломоносова), *Яркова Алла Витальевна* — канд. филол. наук (Ленингр. гос. обл. педагог. ун-т)

Рецензенты: докт. филол. наук, проф. *Г. В. Жирков* (С.-Петербург. гос. ун-т); докт. филол. наук, проф. *В. П. Муромский* (Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) РАН)

Печатается по постановлению

*Редакционно-издательского совета факультета журналистики
С.-Петербургского государственного университета*

Русский литературный портрет и рецензия в XX веке: Концепции и поэтика. Сб. статей и материалов/Ред.-сост. В. В. Перхин. — СПб., 2002. — 151 с. — ISBN 5-288-03101-0

В книге рассматриваются особенности понимания и поэтики основных литературно-критических жанров (портрет и рецензия) в творчестве деятелей XX в. (И. Ф. Анненского, Г. В. Адамовича, А. А. Блока, А. К. Воронского, Б. К. Зайцева, Вяч. И. Иванова, В. Г. Распутина, Д. П. Святополк-Мирского, М. А. Щеглова и др.).

Книга предназначена для преподавателей, студентов, исследователей истории русской критики и журналистики.

ББК 83.3(2Рос = Рус)

ISBN 5-288-03101-0

© В.В. Перхин, ред.-сост.,
2002

От составителя

25–26 сентября 2001 года на факультете журналистики Санкт-Петербургского государственного университета прошла вторая научная конференция «Русский литературный портрет и рецензия в XX веке. Концепции и поэтика». Она была организована кафедрой истории журналистики. В сборнике отражены основные аспекты программы этой конференции. Как и предыдущий, вышедший в Издательстве Санкт-Петербургского университета в 2000 году, он состоит из двух частей, образованных по жанрово-хронологическому принципу.

В первой части рассматриваются концепции и поэтика литературно-критического портрета с 1900-х до 1960-х годов, во второй речь идет о жанре рецензии 1900-х–1980-х годов. Внимание уделено как московским и петербургским критикам (И.Ф. Анненский, А.А. Блок, А.К. Воронский, М.А. Кузмин, М.А. Щеглов), так и работавшим в Русском зарубежье (Г.В. Адамович, Б.К. Зайцев, Д.П. Святополк-Мирский). Они писали в своеобразных манерах и для различных изданий («Русская молва», «Речь» и «Утро России», «Красная новь», «Новый мир» и «Москва», «Звено», «Современные записки» и «Русская мысль»). Но их объединяла высшая цель критики — не только оправдать ожидания подписчиков газет и журналов, но и вести их к пониманию стиля большого искусства и души его создателей. Этой цели они были верны и тогда, когда обращались к английским и французским читателям, как, например, Е.И. Замятин и Д.П. Святополк-Мирский. Можно заметить, что о душе художника говорили не только И.Ф. Анненский или А.А. Блок, но также наши современники — Л.М. Леонов и В.Г. Распутин. Душа художника — это едва ли не важнейшая эстетическая константа русской критики XX века, разных ее жанров.

Сборник включает несколько статей, в которых освещается в той или иной мере личность одного писателя (Л.Н. Толстой) или тексты одного критика (А.А. Блока, Е.И. Замятина) с неодинаковых точек зрения. Бла-

годаря многообразию исследовательских подходов обнаруживаются скрытые возможности литературно-критического портретирования и неожиданные достоинства и приемы рецензирования поэтических текстов, раскрывается смысловое богатство литературно-критических шедевров. Оказывается, не только произведения искусства, но и плоды критики обладают неисчерпаемостью содержания, потому что несут в себе художественное начало.

В сборнике печатаются также некоторые материалы Римского архива Вяч. И. Иванова и публикуются рецензии Н.В. Недоброво и Д.П. Святополк-Мирского из изданий, недоступных для большинства исследователей русской критики и журналистики.

другими искусствами//Творческое наследие Евгения Замятина... Тамбов. 1994. Ч. 2. С. 176-177.

¹² Геллер Л. От составителя// Новое о Замятине. Сборник материалов/ Под ред. Л. Геллера. М., 1997. С. 4.

Л. Н. Иванова

**ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ
Т. Л. СУХОТИНОЙ-ТОЛСТОЙ
(незавершенные варианты)**

«В Риме между В<ячеславом> И<вановичем> и старшей дочерью Льва Толстого, Татьяной Львовной Сухотиной, завязалась поэтическая, нежная дружба. Она его шутя называла „sweetheart¹ № 1“»,² — так писала их общий друг, многолетняя помощница и биограф Иванова, — Ольга Александровна Шор (псевд.: О. Дешарт).

Вячеслав Иванов переехал в Рим с детьми Лидией и Димитрием летом 1924 г. Спустя несколько лет, вслед за дочерью Татьяной, вышедшей в 1930 г. замуж за итальянского юриста Л. Альбертини, в Риме поселилась и Татьяна Львовна Сухотина-Толстая (1864-1950), покинувшая Россию в 1925 г. С января 1940 г. семья Ивановых и Татьяна Львовна стали на несколько лет соседями на Авентине — одном из семи римских холмов. По воспоминаниям дочери поэта, между ними «неожиданно зародилась самая душевная дружба <...>. Они любили долго беседовать друг с другом. Татьяна Львовна, которая была художницей, сделала портрет Вячеслава.³ Он посвятил ей стихи».⁴

В примечаниях к этим стихам О.А.Шор писала: «25 апреля 1944 г. Татьяна Львовна — она была художницей — без предупреждения явилась с листами слоновой бумаги и карандашами-пастель, попросила В.И. сидеть относительно смиренно и быстро начала набрасывать его портрет. Поэт сейчас же принялся живописать ее стихами» (Т.3. С.857-858).

Вот эти стихи:

Татьяне Львовне Сухотиной — гр. Толстой

Гляжу с любовью на Вас,
Дочь льва пустынного, с которым,
Всю жизнь мою наполнив спором,
Заспору и в последний час.

Завет подвижника высокий
 В душе свободной сохраняя,
 Не провождаете Вы дня
 Без думы строгой и глубокой.

Чист Ваш рисунок, свят рассказ,
 Прямо неподкупный ум суждений;
 Но мне всего дороже гений,
 Разлитый в жизни Ваших глаз.

Как будто Вам отец оставил
 Луч тех магических зеркал,
 В каких поэт все то восславил,
 Что столпник духа отрицал.

27 апреля (Т.З. С.607-608).

За рубежом Татьяна Львовна собирала материалы для собственного толстовского музея, выступала с лекциями об отце, издавала его произведения, письма, писала воспоминания. Узнав о Дневнике, который Татьяна Львовна вела с 14 лет (1878-1932), биограф Льва Толстого Н.Н.Гусев обратился к ней с просьбой прислать отрывки об отце, на что она ответила в марте 1946 г.: «Получивши Ваше письмо, я вытащила свои дневники, которые я давно не читала, и хотела выполнить Вашу просьбу и переписать для Вас те места, в которых я говорю о своем отце. Это оказалось невозможным, так как нет, я думаю, страницы, в которой я не упомянула бы о нем. Я дала этот дневник прочесть своему другу поэту Вячеславу Иванову, и он пришел в восторг от этого „документа огромной важности“ и убеждает меня его непременно издать и написал к нему предисловие. Я еще не решила, сделаю ли я это...».⁵

Решение было принято, однако совместное издание, к сожалению, не состоялось. Дневник вышел уже после кончины обоих,⁶ на английском (London: Harwill Press, 1950; New-York: Columbia University Press, 1951) и французском (Paris: Plon, 1953) языках, без предисловия Вячеслава Иванова.

Автор предисловия к парижскому изданию Андрэ Моруа, хорошо знавший Татьяну Львовну, писал: «Т.Л.Сухотина-Толстая, из скромности, никогда не собиралась печатать свой дневник, начатый ею в 14 лет. Один из ее друзей, писатель и философ (В.И.Иванов — Л.И.), прочитал случайно ее дневник и стал настаивать на его издании. Она согласилась, потому что главным делом своей жизни считала сохранение и распространение идей отца. А дневник мог этому способствовать. Но она робела и смущалась при мысли, что все будут читать то, что она писала для себя одной».⁷

Начиная с 1970 г., фрагменты Дневника стали публиковаться и на русском языке. Отдельное издание осуществлено по подлинным тетрадям Сухотиной-Толстой, хранящимся в Москве, в Государственном музее Л.Н.Толстого (М., 1984).

Однако вернемся к середине 1940-х годов, когда Вяч. Иванов, завершив работу над предисловием к Дневнику, обратился к профессору русской литературы Оксфордского университета, редактору «Oxford Slavonic Papers» С.А.Коновалову: «Живет здесь Татьяна Львовна Сухотина, урожденная графиня Толстая, и так как мы с нею дружим, она показала мне свои старинные дневники, которые от всех посторонних прятала, спрашивая меня, стоит ли их напечатать, и если да, не напишу ли я к ним предисловие. Я нашел их имеющими значение и психологическое, и общественно-историческое, и литературно-биографическое для изучения личности Льва Толстого, присутствие и влияние которого чувствуется в ее записях о жизни в Ясной Поляне и об ее девических романах повсюду, даже и там, где она не говорит о нем прямо. Дневники начинаются с 80-х годов и доведены до появления в Ясной Поляне других хозяев — коммунистических комиссаров. Я написал довольно длинное предисловие об ней и ее отце. Издать книгу она думала бы, как по-русски, так и в английском переводе. Сообщаю Вам об этом на всякий случай; может быть, что-нибудь присоветуете».⁸

Возможно, именно на это письмо С.А.Коновалов ответил 12 августа 1946 г.: «Книгу Т.Л.Сухотиной я очень рекомендовал Harwill Press Ltd. и просил директора написать либо ей по Вашему адресу, либо Вам». Повидимому, переговоры начались, и вскоре, 29 августа, Коновалов писал: «Советую Т.Л.Сухотиной принять их предложение. За Ваше предисловие выговорю <какой>-ниб<удь> особый гонорар (отчасти в зависимости от размера предисловия)». Он же, спустя почти три месяца, 22 ноября, приводя перечень намеченных издательством книг, указывает: «Т.Л.Сухотина, с Вашим предисловием».⁹

Сохранилось также письмо Иванова от 22 апреля 1949 г. на имя М.Харари (Manu Harari), возглавлявшей упомянутое лондонское издательство, о том, что он посылает свое предисловие к Дневнику Т.Л.Сухотиной-Толстой и внимательно читает английский перевод своей книги «Достоевский».¹⁰

По не выясненным пока причинам, вступительная статья Вяч.Иванова не была включена в издания Дневника Сухотиной-Толстой. Впервые напечатанная в «Новом журнале»¹¹, спустя много лет, она украсила брюссельское собрание сочинений поэта (Т.4. С.603-611), выверенная по рукописи, дополненная авторскими примечаниями и помещенная сразу вслед за его статьей 1911 г. «Лев Толстой и культура». Иванов

представляет читателю «цельную и самобытную личность» дочери великого писателя, раскрывающуюся в Дневнике, разъясняя «психологическое», «общественно-историческое» и «литературно-биографическое» значение Дневника «для изучения личности Льва Толстого» (Т.4. С.603, 611).

В Римском Архиве Иванова сохранился беловой автограф со значительной авторской правкой и вставками, озаглавленный: «Предисловие к изданию Дневников Т.Л. Толстой-Сухотиной», а также машинописная копия, один из экземпляров которой, очевидно, был передан на суд Татьяны Львовны.¹² В ее письме к Вяч. Иванову от 17 апреля 1946 г. содержится дружелюбно-критический отклик на прочитанное. «Я все думаю о Вашей статье, — писала она, в частности. — Трудно знать самое себя, поэтому я не могу судить о сходстве Вашего портрета с оригиналом. Он очень украшен, в этом у меня сомнения нет. А вот отца Вы не украсили, а, напротив, преувеличили его слабости и недостатки». Изложив свои главные возражения, Татьяна Львовна подытоживала: «Вот, дорогой друг, мои замечания. Простите, если Вы найдете, что они неуместны. О достоинствах изложения, о языке, об образах, о тонкости анализа — не мне говорить и не мне судить. Мне кажется, что это чудесно» (Т. 4. С.779-780).

Предлагаемый вниманию читателей текст являет собою фрагменты первоначального варианта статьи.¹³ Он несомненно важен как для биографии Сухотиной-Толстой, так и для творчества Вяч. Иванова. Сопоставление данного текста с ранее опубликованным свидетельствует об изменении замысла, стиля, подхода к теме. От дружеского рассказа о незаурядной женщине, построенного с помощью изображения окружающего ее реального мира, с биографической канвой, эпизодами из жизни, свидетелем которых был сам автор, — к богатому тонкими наблюдениями воссозданию внутреннего душевного, духовного мира разносторонней личности, каковой несомненно является «дочь большого Льва», — Татьяна Львовна Сухотина-Толстая.

1

«Все знают Толстого строгого, нахмуренного, я хочу показать его таким, каким знали его мы, веселым, сердечным», — говорила мне несколько дней тому назад, передавая свои «Воспоминания» (отрывки которых мы счастливы здесь напечатать) Татьяна Львовна, старшая дочь Толстого и его близкий друг. А кругом книги, книги Толстого и книги о Толстом и на столах его личные вещи из Ясной Поляны.¹⁴ И квартира в центре Рима превращается в уголок русской деревни, а уголок этот каждому ищущему, чужому становится родным. Она говорит об отце и, слушая ее, начинаешь понимать всем

известную и никому непонятную внутреннюю драму Толстого и, глядя на нее, видишь живое единство его зияющих противоречий, ибо она сама есть очаровательное противоречие: небольшого роста, очень подвижная, совсем простая, она невольно величественна в каждом жесте не только как светская дама, но и как дочь большого Льва. Снежно-белые волосы гармонируют с темными глазами, в которых светится юность, непреходящее достояние подлинно духовных людей. Строгая от внутренней непреложной правдивости, которая утверждается как природа, как стихия, она порою кажется резкой, а на самом деле уступчива и нежна. Помню, как она пришла к нам в первый раз: она застала нас за столом, мы ели мясо. — «Какая гадость! Вы едите трупы!...» А на следующий день и сколько раз за голодные годы она кормила этими «трупями» (сама она по завету Толстого к мясу не притрагивалась¹⁵) тех, кому это было нужно. Она «гражданка мира» в лучшем смысле этого слова. Воспитанная английской miss¹⁶ (?), француженка по подданству, избравшая своей резиденцией Вечный Город, она остается подлинно русской барыней. Еще в 1910 году она начала в виде статей печатать воспоминания, которые потом вышли отдельной книгой «Гости и друзья Ясной Поляны»¹⁷; теперь она пишет об отце на всех языках.

Не знаю, что теперь случилось с Толстовским музеем в Москве (она в течение многих лет и до самого своего выезда из России в 1925 году была его хранителем), но при ней он был как бы жилым домом Толстого.¹⁸ В музеях, посвященных памяти больших людей есть что-то жуткое: вещи в них либо мертвы, либо магичны, но вещи в толстовском музее и толстовские вещи в римской квартире живут вокруг графини Татьяны, живут и улыбаются, как улыбается сам Толстой со страниц ее «Воспоминаний».

2

В Москве, в музее Толстого имеется целая галерея портретов семьи и предков Писателя. Многие из этих незнакомцев нам хорошо знакомы: они были перевоплощены Толстым в герои его романов и живут среди нас как наши близкие друзья. Мы их знаем не как Князя Волконского, родича Толстого по матери, или Танечку Берс, сестру его жены, а как Старого князя Болконского из «Войны и мира» и очаровательной Наташи Ростово-вой¹⁹ <так! — Л.И.>. Все эти портреты написаны рукою дочери Толстого, Татьяны Львовны, списаны ею либо с живых моделей, либо воспроизведены по семейным памяткам: старым, стертым фотографиям, миниатюрам. С той же живостью, правдивостью и четкостью, с которой она повествует о жизни отца, в печатаемых нами «Воспоминаниях», она говорит пером и кистью о судьбах своих предков.

Толстая училась рисованию в московской академии искусств — рус-

ской школе «живописи и ваяния» в Москве, у старых русских мастеров (Маковского, Перова, Ге).²⁰ Во время революции в Москве и во время своей эмиграции в Париже она собирала вокруг себя учеников и многих, многих «соблазнила», как говорит сама, на путь живописи. Теперь в Риме она работает со своими внуками и для своих внуков,²¹ да ходит порою в соседнюю ее квартире виллу Боргезе, садится на скамеечке возле «Казино делла Розе», где теперь рифуджио²² американских солдат, и с даром, переданным ей отцом, сразу располагать людей к полному душевному доверию, ведет с ними тихие беседы. Пишущий сам был свидетелем, как молодые солдаты переставали ухаживать за хорошенькими девушками, чтобы обратиться к этой восьмидесятилетней даме, которая говорила с ними на их языке, как они сами, и об их внешней и внутренней жизни, как будто она выросла вместе с ними.²³ Она быстро набрасывает их портреты, которые им же дарит и которые они посылают своим матерям, женам, невестам.

В портретах, написанных близкими, любящими людьми, есть особая проникновенность и внутренняя точность, которой почти никогда не достигают изображения даже самых больших мастеров. Среди большой иконографии Толстого имеется рисунок, сделанный незадолго до смерти писателя его дочерью. Сам Толстой любил этот портрет, а жена его прикрепила его к крышке своей рабочей коробки, чтобы иметь его всегда перед глазами (она много шила), ибо, говорила она, ничто не дает ей такого ощущения близости, присутствия мужа, как этот маленький рисунок. Мы его здесь не воспроизводим, т.к. он много раз печатался и слишком известен.²⁴ Но Татьяна Львовна нам любезно дала неизданный свой рисунок, сделанный ею по старым фотографиям; в портрете этом тоже имеется особая внутренняя точность, т.к. он не просто повторение старых снимков, но воскресение смутной, детской памяти о матери. Портрет относится к первому времени, тогда безоблачно счастливой супружеской жизни графини Софьи с Толстым.²⁵

3

Между Россией, волнуемой из глубин тем чувством, которое под конец жизни Толстой выразил за всех, объявив, что так жить больше нельзя, и мертвою зыбью недвижимого в своих недрах быта поднимается каким-то заколдованным островом Ясная Поляна, равно обеим Россиям чуждая и родная. Она похожа в своей странной отделенности на пустынный остров чародея Просперо в «Буре» Шекспира, куда мудрый волшебник удалился от общественной злобы и лжи с милою дочерью и закрепощенным ему духом поэзии Ариелем. Основано самостоятельное яснополянское царство на сословном укладе и старозаветном обычае, но это не мешает ему мало-помалу

обратиться в постоянный двор для прохожих, искателей правды и любопытствующих соглядатаев. Она заграждена в своей независимости от ласк и угроз свыше, от правительственных сфер, не в меньшей степени, чем от соблазнов материализма, бунтарского народничества, начинающегося марксизма — Ее можно счесть отсталую и провинциальной: так мало она осведомлена о том, что творится в современной общественной жизни, в умозрениях, в искусстве. Не то чтобы газеты и журналы в ней не читались: но все, что доходит до нее, просачивается <?> через надежный фильтр, который не допускает усвоения чужеродных элементов.²⁶

* * *

На этом рукопись прерывается.

Узнав о смерти Иванова, Татьяна Львовна сокрушенно писала О.А.Шор 20 июля 1949 г.: «Оленька, дорогая, точно меня что-то ударило, когда открывши „Messaggero“ я увидела объявление о кончине нашего бесценного Вячеслава Ивановича. По вашим и Диминым словам в Риме, казалось, что здоровье его поправлялось, но в вашем голосе слышалась тревога. Вероятно вы чувствовали в нем те едва ощутимые признаки близости конца, которые доктора перестали чувствовать, но которые близкие любящие люди чувят.

Бедное слабое тело его едва теплилось, одна сила духа его поддерживала. Но, видно, это не могло продолжаться долго. Какую огромную пустоту он оставляет. Долго еще ветер будет ходить по вашей квартирке на Авентине. Бедные Лидия и Дима! Передайте им мое самое-самое искреннее сочувствие и самые теплые чувства дружбы.

Как часто Вячеслав Иванович посещал мои мысли. На днях я представляла себе, как я его посету, когда вернусь в Рим, что ему расскажу. Он так умел слушать и поощрять даже пустой разговор. Милый мой sweetheart! Незабываемый! <...> Прощайте, моя душенька. Целую Вас с любовью. Т. Сухотина-Толстая».²⁷

«Вы правы, — отвечала Шор, — „бедное слабое тело его едва теплилось, только сила духа его поддерживала“. Дух его жив и живет. Вас он очень любил и говорил о Вас всегда улыбаясь, нежно. Вы так хороши были вместе: большие равнородные звери, задирающие и ласкающие друг друга большими лапами. Очень хороши... Теперь он молится за Вас» (Т.4. С.778).

---

¹ Возлюбленный (англ.). На обороте своего фотопортрета, подаренного Иванову, Татьяна Львовна написала: «Милому моему sweethearty от Т.Л.Сухотина»

тиной-Толстой. 16 марта 1948». С обращения «Дорогой мой sweetheart» начинается и ее письмо от 12 марта того же года (Римский Архив В.И.Иванова (в дальнейшем — РАИ), оп.3, № 203; здесь же находится письмо Татьяны Львовны к Иванову от 17 апреля 1946).

² *Иванов В.И.* Собрание сочинений.Т.3. Брюссель, 1979. С. 857. (Далее при ссылках на это издание в тексте указывается номер тома и страницы).

³ Портрет В.И.Иванова работы Т.Л.Сухотиной-Толстой хранится в Риме, у сына поэта — Д.В.Иванова.

⁴ *Иванова Л.В.* Воспоминания: Книга об отце. М.,1992. С.289.

⁵ Цитируется по изд.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М., 1981. С.439.

⁶ В.И.Иванов скончался 16 июля 1949 г., Т.Л.Сухотина-Толстая — 21 сентября 1950 г.

⁷ Цитируется по изд.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник / Сост. и автор вступит. статьи Т.Н.Волкова. М., 1984. С.5.

⁸ РАИ, оп.3, № 117.

⁹ РАИ, оп.3, № 116. Благодарю Р.Берда за предоставленные выписки из писем С.А.Коновалова.

¹⁰ РАИ, оп.2, № 211.

¹¹ Публикация с заглавием «О Дневниках Т.Л.Сухотиной» помещена в раздел «Библиография» и предварена редакционным примечанием: «Эта ненапечатанная статья покойного Вяч.Иванова прислана нам из его архива» (Новый журнал. Нью-Йорк. 1953. Кн. 32. С.288).

¹² Кроме того, в РАИ хранятся: перевод «Предисловия» на франц. яз., сделанный Д.В.Ивановым, а также переводы неустановленных лиц на франц., англ. и итал. яз.; статья Д.В.Иванова (?) (на франц. яз.) по поводу кончины Т.Л.Сухотиной-Толстой и некрологи из итальянских газет от 23-24 сентября 1950 г. (оп.2, № 147-154, 157). Начальные строки статьи и авторские примечания к ней см. также в рабочем блокноте Иванова ([1945]; 1949) с черновиками четвертой и пятой книг «Повести о Светомире царевиче» (РАИ, оп.2, № 16. Л.27-27 об.).

¹³ РАИ, оп.2, № 146. 2 л. Машинопись с правкой автора (?) карандашом (листы сильно повреждены). Пользуюсь случаем поблагодарить Димитрия Вячеславовича Иванова за предоставленную копию текста и возможность его публикации.

¹⁴ «После смерти Толстого мама жила воспоминаниями о нем, окруженная его книгами и портретами, — писала Т.М.Альбертини. — В Риме, где она провела последние годы жизни, у нее была „комната Толстого“, его маленький музей, так любовно называла она эту комнату» (*Альбертини-Сухотина Т.М.* Моя мать // Яснополянский сборник. 1978: Статьи, материалы, публикации. Тула: Приокское книжное изд., 1978. С.274).

¹⁵ Дочь Татьяны Львовны объясняла это несколько иначе: «<...> мама мало ела. У нее был камень в желчном пузыре. Ей приходилось выдерживать строгий режим питания: рис, овощи на воде, немного простокваши, фрукты... <...> Уже многие годы она была вегетарианкой и страстно пропагандировала свои убеж-

дения. Часто я слышала, как она говорила злополучному едоку, уничтожавшему бифштекс, что „он делает кладбище из своего желудка“, и другому, евшему бульон, что „он пьет трупный сок“ (*Альбертини-Сухотина Т.М. Моя мать. С.275-276*).

¹⁶ Вспоминая о своем счастливом детстве, Татьяна Львовна назвала троих людей, которым она особенно благодарна за это. После отца и матери воздавалось должное «Ханне, нашей английской воспитательнице, прожившей в нашей семье шесть лет и давшей нам столько любви, заботы и твердых нравственных основ» (*Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. С.27*).

¹⁷ *Сухотина-Толстая Т.Л. Друзья и гости Ясной Поляны. М., 1923.*

¹⁸ Татьяна Львовна переехала в Ясную Поляну после смерти мужа, М.С.Сухотина (1914). После революции 1917 г. стала хранителем Яснополянского музея, в 1923 г. — директором. До февраля 1925 г.

¹⁹ Иванов говорит о родственниках Л.Н.Толстого, ставших прототипами героев романа: деду по матери, кн.Николае Сергеевиче Волконском (1753-1821) и Татьяне Андреевне Берс (в замуж. Кузминская; 1846-1925).

²⁰ Иванов перечисляет художников: К.С.Маковского, В.Г.Перова и Н.Н.Ге. Ср. воспоминания дочери: «Моя мать была очень талантлива в живописи; в юности она посещала Школу живописи, зодчества и ваiania в Москве. Ее учителями были Репин и другие знаменитые художники» (*Альбертини-Сухотина Т.М. Моя мать. С.274*).

²¹ У Т.М.Альбертини-Сухотиной было трое детей: Луиджи, Марта и Кристина.

²² Rifugio — убежище (*итал.*).

²³ В подтверждение здесь вновь уместно привести воспоминания дочери: «Прежде всего в ней поражало сочетание принципов, которые могли казаться непреклонными, пуританскими и излишне строгими, с внутренней исключительной открытостью души, с интересом к молодежи, желанием понять и разделить ее интересы. Действительно, она умела быть с молодыми на одном уровне, казалось, их присутствие ее пленяет. Она давала им высказаться, не осуждала. Но ее взгляд был красноречив. Она всех очаровывала живостью своего ума и веселостью» (*Альбертини-Сухотина Т.М. Моя мать. С. 276*).

²⁴ «Моя мать написала последний портрет отца, — писала Т.М.Альбертини. — Многие его считают наиболее схожим с Толстым» (Там же. 274). Об этом же рисунке писал Татьяне Львовне И.Е. Репин, 12 апреля 1910 г.: «Я очень обрадовался, что Вы нарисовали портрет Льва Николаевича; но поддержите его у себя до будущего сезона выставок<...> Уверен, куда бы Вы ни послали это произведение, оно везде будет принято» (*И.Е.Репин и Л.Н.Толстой. 1. Переписка с Л.Н.Толстым и его семьей. М.; Л., 1949. С.98*). Ныне этот портрет находится в Государственном Музее Л.Н.Толстого.

²⁵ См.: *Щербухина Л. Л. Толстой в рисунках дочери // Художник. 1965. № 7.*

²⁶ Этот фрагмент печатается по черновому автографу в упоминаемом в примеч. 12 рабочем блокноте Иванова (РАИ, оп.2, № 16. Л.47). В значительно переработанном виде этот отрывок вошел в окончательную редакцию статьи (Т.4. С.609).

²⁷ РАИ. Архив О.А.Шор (не описан).

Содержание

От составителя	3
<i>А. В. Черкасова.</i> Литературно-критический портрет в творчестве И. Ф. Анненского	5
<i>В. И. Коньков.</i> Литературный портрет как художественный образ (на примере очерка Ю. И. Айхенвальда «Валерий Брюсов»)	11
<i>Н. В. Сорокина.</i> Литературные портреты С. А. Есенина и Л. М. Леонова в критике А. К. Воронского (особенности поэтики)	15
<i>Н. Ю. Желтова.</i> Портрето-образы в критике Е. И. Замятина	23
<i>Анна Гилднер.</i> Портрет в теоретико-критических и биографических эссе Е. И. Замятина	29
<i>Л. Н. Иванова.</i> Вяч. Иванов. Литературный портрет Т. Л. Сухотиной- Толстой (незавершенные наброски)	38
<i>Т. М. Вахитова.</i> «Горизонты ожидания» в литературных портретах Леонида Леонова («Слово о Толстом»)	47
<i>М. В. Михайлова.</i> А. А. Блок-рецензент (начало критической деятельности)	58
<i>М. Ф. Пьяных.</i> Поэзия И. А. Бунина в рецензиях А. А. Блока	67
<i>Т. Г. Иванова.</i> Великий князь Константин Константинович как рецензент	74
<i>Е. И. Орлова.</i> Рецензия в литературно-критическом творчестве Н. В. Недоброво	80
<i>А. И. Михайлов.</i> Инструментарий Михаила Кузмина-рецензента (конец 1900-х–начало 1910-х гг.)	90
<i>О. Л. Фетисенко.</i> Автобиографизм литературных рецензий Георгия Адамовича	105
<i>В. В. Перхин.</i> Короткая рецензия Д. П. Святополк-Мирского	110
<i>А. В. Яркова.</i> Литературные рецензии Б. К. Зайцева как жанр	121
<i>С. И. Кормилов.</i> Жанры рецензии и статьи-рецензии в творчестве М. А. Щеглова	132
<i>А. А. Митрофанова.</i> Рецензия В. Г. Распутина	145

Научное издание

РУССКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ
И РЕЦЕНЗИЯ В XX ВЕКЕ

Концепции и поэтика

Сборник статей и материалов

Редактор-составитель В. В. Перхин

На обложке воспроизведены силуэты *Е. С. Кругликовой*

Обложка *Е. А. Соловьевой*

Корректор *А. А. Елиса*

Верстка *Е. П. Смирновой*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001.

Подписано в печать с оригинала-макета 14.05.02.
Ф-т 60x84¹/₁₆. Усл. печ. л. 8,84. Тираж 150 экз.
Заказ № 50.

Оригинал-макет подготовлен в Лаборатории оперативной печати
факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, С.-Петербург, 1-я линия, д. 26.
ЛОП факультета журналистики СПбГУ
199034, С.-Петербург, 1-я линия, д. 26.
